

Ю. А. ПРОКОФЬЕВ

Как убивали партию. Показания Первого секретаря МГК КПСС

<Фрагменты>

Август 91-го. ГКЧП

Приближалось событие, которое потом обозначится чмокающей аббревиатурой — ГКЧП. Уже экономика наша пришла в невиданный упадок, разваливалась партия. Появилась тьма-тьмущая разных деятелей типа Тюлькина¹ и провокаторов вроде Анпилова² (только не ассоциировать с Азефом³ и Гапоном⁴ — кишка тонка). По залу заседаний Верховного Совета СССР бродили inferнальные с виду личности, а в Моссовете лишь на официальном учете в психдиспансере состояли восемнадцать депутатов. Все больше кипятился Хасбулатов. И пошел в большой распыл Горбачев. Надо было принимать решительные меры.

Если бы мне пришлось отвечать на воображаемые вопросы анкеты, это выглядело бы примерно так: «готовил», «не участвовал». Пришла и моя пора рассказать, как было дело. Я и от следователя ничего не скрывал, но сегодня — поподробнее.

Накануне даты, когда исполнялось 50 лет с начала Великой Отечественной войны, секретарь Смоленского горкома партии Атрощенко предложил собрать совещание первых секретарей горкомов КПСС городов-героев.

16 апреля 1991 года мы собрались в Смоленске — это была его инициатива. Там решили совещание не распускать, а собираться регулярно.

Я бы не сказал, что это была групповщина, но в принципе какая-то оппозиция Горбачеву начала формироваться. И он об этом знал. В Смоленске мы подготовили документ, в котором обратились к Президенту с предложением объявить день начала Великой Отечественной войны — 22 июня — Днем Памяти.

На совещании речь шла о том, что в это сложное время партийные комитеты городов-героев, которые пережили такую страшную

годину и так себя геройски проявили, обращаются ко всем коммунистам, населению страны с призывом к сплочению, объединению.

* * *

После совещания состоялось собрание актива Смоленской партийной организации, меня там попросили выступить. Я минут 30 выступал и минут 40–45 отвечал на вопросы. Все это было опубликовано в газете, и по просьбе смолян дважды транслировалось по местному радиовещанию.

Таким же большим было выступление ленинградского секретаря горкома по идеологии Юрия Белова⁵. Остальные выступали покороче — время поджимало, да и основное внимание уделялось Москве и Ленинграду.

Это было мое первое выступление вне Москвы. Коллектив незнакомый, ситуация острая. Я говорил, что перестройка сама по себе нужна, но вольно или невольно допущены ошибки при ее проведении.

Первая ошибка — недооценена роль партии. Коммунистическая партия в Советском Союзе была не только политической организацией, но и структурой управления государством. Она проникала в мельчайшие ячейки общества и обеспечивала выполнение решений руководящих органов, в том числе и правительства.

После отмены шестой статьи Конституции⁶ одновременно не было создано новой структуры управления обществом, что привело к анархии и развалу, нигилизму в отношении законов. Достаточно вспомнить слова Горбачева, что «все, что не запрещено законом, разрешено», то есть не была правильно оценена роль партии не просто как политической организации, а как структуры управления государством.

Второе. Проводившиеся реформы не были полноценными. Указы, законы, принимаемые правительством, совместные постановления ЦК КПСС и Совета Министров СССР привели не к укреплению, а к разрушению нашей экономики. Достаточно сказать, что в 1991 году в результате того, что перекачивались безналичные деньги в наличные, особый вред нанесли два закона: о социальном предпринятии и кооперации.

Что явилось следствием принятия этих законов? На 13 копеек производства товаров — 1 рубль зарплаты. Вот причина инфляции, причина пустых полок 1991–1992 годов. Нужны были экономические реформы, но не те, которые проводились.

И третий недостаток — это уход партии от решения политических задач в стране начиная с XIX партконференции, когда партия была по существу устранена от решения этих вопросов.

Даже не устранена. С ней поступили весьма хитро. Поскольку в стране не было оппозиционной партии, Горбачев провозгласил, что оппозицией должны стать средства массовой информации!

И стала партия организацией, которая все видит, все слышит, все понимает, а сказать ничего не может, поскольку ее лишили голоса. До народа она дойти просто не могла. Ни электронные СМИ, ни печать, за исключением небольшого количества газет, не были ей тогда подконтрольны.

Вот эти ошибки я и изложил перед активом.

В то же время я внес конкретные предложения по выходу из экономического кризиса, решению социальных проблем и непосредственной работе партии. В заключение сказал о задачах, которые стоят перед совещанием секретарей партийных организаций городов-героев.

Потом были вопросы, и среди них такой: а есть ли у нас замена Горбачеву? Я ответил: «Что вы знали о Горбачеве, когда выбирали его Генеральным секретарем? Только то, что он самый молодой и ведет сельское хозяйство. Знали еще что-нибудь? Нет, не знали. Так и сейчас. Наверняка есть люди, которые в случае необходимости сменят Горбачева. Такого не бывает, чтобы на данное место имелась в нашей стране только одна личность».

Потом это будет называться «смоленским выступлением» и при определенных поворотах становиться то моим обвинением, то оправданием. «Нам не дано предугадать, как наше слово отзовется...»

* * *

В Москву я вернулся вечером. А уже утром мне позвонил Олег Семенович Шенин, человек насмешливый и неоднозначный, и, хохотнув, спросил: «Юра! Чего ты там, в Смоленске, наговорил? Все бегают, суетятся. Так что держись!»

Горбачеву, конечно, сразу же донесли. 22 апреля во время торжественного заседания, посвященного дню рождения В. И. Ленина, мы сидели в президиуме. Я смотрел в одну сторону, он — в другую. В зале ситуацию заметили, и Горбачев это почувствовал. Спрашивает: «Ты на концерт остаешься?» — «Да нет, домой пойду». — «Давай останемся, посмотрим».

Взял под руку, посадил рядом с собой, чтобы все это видели. Он часто продельывал подобное и с другими: когда были какие-то стычки, «приближал» к себе. И у Яковлева такая же манера была, чтоб показать несуществующую «близость».

Я стал рассказывать ему о работе Комиссии по подготовке введения чрезвычайного положения, которую он создал в марте.

Горбачев меня перебил: «Я знаю, чем вы тут занимаетесь. Ты лучше скажи, что ты там, в Смоленске, наговорил?» Я ответил: «Михаил Сергеевич, вот вам бы задали вопрос: есть ли вам замена? Вы как бы ответили? Что нет такой замены?»

Он смотрит на меня: «Но это же не меня, а тебя спрашивали». Я ему: «Ну я ответил, что такого не бывает, чтобы не было замены. Я же не говорил, что сразу вас завтра надо менять, но что есть достойные люди — страна огромная, талантов много, в том числе и в партийных органах. Я считаю, что я правильно ответил. Я по-другому не мог ответить». Он поморщился: «Ладно, ладно. Но ты много на себя берешь».

На этом разговор и закончился. Но конфликт остался.

На апрельском пленуме ЦК КПСС 1991 года впервые открыто была высказана критика в адрес Генерального секретаря. Тогда выступил машинист-железнодорожник из Сибирского региона. Он сравнил Горбачева с машинистом, который ведет состав на красный свет и не думает его останавливать. Многие выступающие его поддержали.

После этого Горбачев заявил, что подает в отставку. Вопрос поставили на обсуждение, но был объявлен перерыв. Далее заседало Политбюро под руководством Ивашко, и тот внес предложение: вопрос об отставке Горбачева на Пленум не выносить. К сожалению, большинство членов Политбюро проголосовало за это решение. Горбачев снял свое предложение, и Пленум не стал его обсуждать.

Михаил Сергеевич дважды такие номера выкидывал: «Вы мне не верите? Я уйду!» Говорилось это, конечно, несерьезно, так как он все делал, чтобы остаться у власти. Он понимал, что, если не будет Генеральным секретарем, не быть ему и президентом.

* * *

19 июля 1991 года появилось «Обращение секретарей комитетов КПСС городов-героев Союза ССР к коммунистам страны». Оно было опубликовано в «Московской правде».

«Совещание секретарей, — говорилось в Обращении, — выражая мнение многих парторганизаций, высказывается за созыв внеочередного съезда не позднее середины ноября текущего года. По нашему убеждению, съезд должен принять Программу КПСС, внести подсказанные практикой изменения в Устав, провести кадровое обновление руководящих органов партии. Учитывая сжатые временные рамки созыва съезда и его большую значимость, полагали бы возможным предложить избрать его делегатов районными, городскими, областными конференциями на основе выдвижения и обсуждения кандидатур в первичных парторганизациях. Считаю, что июльский Пленум ЦК КПСС должен про-

явить взвешенный подход к оценке ситуации в партии и ввиду отсутствия в настоящее время программного документа, то есть необходимой основы для определения принципиальных позиций, не допускать столкновения различных ее течений, размежевания и раскола коммунистов по идейным соображениям».

Осенью мы должны были собраться в Одессе. Тревога за судьбу страны объединила нас...

Перед последним, июльским Пленумом ЦК КПСС (он проходил 25–26 июля 1991 года) состоялось заседание Политбюро, на котором Горбачев роздал текст доклада, который он должен был зачитать на пленуме. В нем содержалась резкая критика в адрес Московского горкома партии и меня — за состоявшийся накануне пленум МГК партии.

В ответ на мою защиту выступил первый секретарь ЦК Компартии Украины Станислав Гуренко и заявил: «Михаил Сергеевич, я внимательно прочитал доклад Прокофьева на пленуме МГК, и он там все правильно говорит. Критиковать Московский горком партии за то, что он высказывает свою позицию, неверно. Мы тоже считаем, что надо досрочно провести съезд партии, что нынешний состав ЦК не обеспечивает должного руководства».

Когда в нашу поддержку выступили еще два человека, Горбачев изменил позицию, и все жесткие слова из своего доклада на пленуме выбросил. Оставил только маленькую фразу о том, что Московский городской комитет КПСС своими действиями хоть и не вносит раскола, а каким-то образом дискредитирует деятельность руководства партии.

Поэтому я, когда выступал на пленуме ЦК, сказал, что в первоначальном варианте доклада Михаила Сергеевича был несколько иной текст, в котором Московский городской комитет партии подвергся резкой критике. Но, несмотря на всякие купюры, мы все заявляем, что все равно стоим за то, чтобы провести досрочный съезд, и считаем, что надо ставить вопрос о руководстве партии.

Этот последний пленум ЦК КПСС мне особенно запомнился. Большинство уже понимало, что дело идет к развалу, краху общественно-политического строя страны. Все громче звучало требование о проведении осенью 1991 года внеочередного, XXIX съезда партии, смене руководства, и в первую очередь Горбачева. По моей информации, Горбачев хотел воспользоваться этой ситуацией следующим образом: если на пленуме прозвучит требование о его немедленной отставке и вопрос будет вынесен на голосование, то около сотни членов ЦК должны будут покинуть заседание и таким образом сначала расколоть ЦК, а затем и партию, проведя свой, внеочередной, съезд.

Понимая это, члены ЦК, не поддерживающие Горбачева, не стали ставить на голосование вопрос о его немедленной отставке.

* * *

Позволю себе привести часть моего выступления: «...Самые жаркие дебаты вчера на пленуме горкома партии разгорелись вокруг вопроса о нынешнем руководстве КПСС. Прямо выдвигалось требование об отставке Генерального секретаря. Такая постановка вопроса обосновывалась тяжелым ходом перестройки, усиливающимися тяготами жизни, не понятной многим политикой балансирования между различными политическими силами, все большим разрывом между первичными организациями и руководством партии.

Это все не козни партаппарата, как некоторые пытаются представить. Это, к сожалению, настроения достаточно широких партийных масс. Только в наш городской комитет в последнее время поступило около трехсот писем, различных резолюций с выражением недоверия ЦК, Политбюро, Генеральному секретарю. Даже члены горкома партии, большинство из которых — представители коллективов, выражали свое беспокойство.

Вы, Михаил Сергеевич, должны понять, что люди ждут не только решительных заявлений — их было достаточно, но, прежде всего, энергичных, последовательных действий во всех сферах жизни. Только так можно вернуть доверие коммунистов и поддержку народа. Коммунисты вправе поставить вопрос: имеет ли право нынешнее политическое руководство возглавлять партию».

Так же выступали многие другие. Повода для раскола ЦК, ухода с заседания определенной его части не было подано.

Пленум принял решение о проведении внеочередного, XXIX съезда КПСС в октябре — ноябре 1991 года.

* * *

Подготовка августовских событий 1991 года не была секретом. Знали об этом и Горбачев, и Ельцин. Однако некоторый элемент таинственности присутствовал.

Постараюсь хронологически изложить события и свои ощущения. Прошло много лет, появилось множество мемуаров. В некоторых авторы излагают свое видение, свою точку зрения. А иногда проскальзывают подтасовки, иногда и полное вранье.

События того времени — история нашей страны. История, как известно, не терпит сослагательного наклонения, но быть точной — должна. И я, как очевидец, как участник, имею право на уточнения. И это, мне кажется, моя обязанность.

Все, кто высказывает свои точки зрения по поводу ГКЧП, правы в главном: нельзя рассматривать ГКЧП только как узко направленное мероприятие. И, прежде всего, нельзя рассматривать членов ГКЧП как единое целое: это были разные люди, с разными политическими установками.

Я бы хотел начать разговор о ГКЧП с предыстории.

В марте 1991 года мы вместе с Олегом Шениным были у Ивашко по нашим внутрипартийным делам. Раздался звонок Горбачева. Он спросил у Ивашко, что тот делает. Узнав, что у него находится, Горбачев сказал: «Бери Олега и Прокофьева и приезжайте ко мне в Кремль».

В Кремле мы прошли к Горбачеву в так называемую Ореховую комнату, которая располагалась между залом заседаний Политбюро и кабинетом Горбачева. Там уже сидели за круглым столом Лукьянов, Язов, Пуго, Догужиев (вместо Павлова — тот тогда болел). Из секретарей я заметил Семенову, Строева. Присутствовали Янаев и Болдин. Состав был весьма необычный. Это и не Политбюро, и не Секретариат, а сбор руководителей государства и партии.

Шел разговор о положении в стране. Положение было тяжелым. В марте бастовали шахтеры, останавливались в связи с этим металлургические заводы, и потери металлургического производства составляли примерно столько же, сколько страна потеряла в годы Великой Отечественной войны. Производство металла сократилось на 30%. Я сам накануне побывал на Люблинском литейно-механическом заводе. Предприятие, которое раньше из-за тяжелых условий труда, трехсменной работы испытывало недостаток рабочей силы, из-за отсутствия металла перешло на одну смену, и у них оказались лишние люди. Страна стояла накануне серьезного экономического кризиса. При отсутствии топлива, главным образом угля, все это перешло бы в дальнейшем на машиностроение и т. д.

Тогда, в марте 1991 года, впервые прозвучала мысль о введении чрезвычайного положения в стране. На этом совещании Горбачев создал комиссию под руководством Геннадия Ивановича Янаева. В комиссию входили все будущие члены ГКЧП, за исключением двух человек — Тизякова и Стародубцева. Это были Янаев, Язов, Крючков, Пуго, Павлов, Шенин и Болдин. Был включен туда и я.

Мы по поручению Горбачева после совещания перешли в кабинет Янаева и там договорились, что сотрудники Крюčkова, Пуго и Болдина проработают формы введения чрезвычайного положения в стране, а затем мы встретимся и обсудим, как все должно происходить.

Собиралась эта комиссия с моим присутствием еще дважды — у Янаева и Язова. В принципе предложения о том, как вводить чрезвычайное положение в стране с учетом существующей Конституции, с учетом международной практики законов, были проработаны. Группа генералов, офицеров Крючкова из идеологических подразделений даже готовила воззвание к народу, которое в августе было озвучено.

Когда проходило совещание у Язова, возник острый вопрос: Горбачев может вести дело по принципу «вперед назад», потом остановится. Как быть в таком случае? Кто-то сказал, что тогда придется Янаеву брать руководство страной в свои руки. Янаев запротестовал: ни физически, ни интеллектуально он не готов исполнять обязанности президента страны, такой вариант неприемлем.

Пуго с Язовым заявили, что вводить чрезвычайное положение они согласны только при условии конституционного решения вопроса, то есть при согласии президента и по решению Верховного Совета СССР. В ином случае они участвовать во введении чрезвычайного положения не будут.

Поведение Язова, Янаева и Пуго вызвало у меня некоторое удивление. О том, что заседания проходили, Горбачев знал. Например, когда мы были у Язова, он возвращался из Японии и с борта самолета позвонил Крючкову. Тот в разговоре с Горбачевым сказал, что, выполняя его поручение, мы сейчас сидим и совещаемся.

Так что Горбачев был инициатором разработки документов о введении чрезвычайного положения в стране, и, в сущности, почти весь состав сформирован им.

В марте эти материалы были на стадии черновых документов. В конце апреля Горбачев получил все уже согласованные предложения. Тогда же он позвонил мне, советовался: положение в стране улучшается, может быть, и не надо принимать закона или постановления о введении чрезвычайного положения в стране, а принять чрезвычайные меры, ввести чрезвычайное положение в отдельных регионах и отдельных областях страны?

Я с ним согласился. Когда мы обсуждали эту проблему в марте, было совершенно ясно, что ввести чрезвычайное положение на огромной территории России никаких ни финансовых, ни административных сил не хватит. Речь может идти только о введении мер в отдельных наиболее важных отраслях промышленности, определяющих работу экономики.

Вскоре был принят окончательный документ. На основании подготовленных материалов издали Указ Президента Горбачева о порядке введения чрезвычайного положения в отдельных регионах и отраслях народного хозяйства страны. Этот указ был

опубликован в мае и прошел почти незаметно. Он никак не комментировался в средствах массовой информации, и никакие действия не были проведены.

Единственное, что мне тогда запомнилось: позвонил Горбачев и, посмеиваясь, сказал: «Я вот с Ельциным согласовал этот Указ. Ельцин дал согласие и внес одну поправку: Указ вводится только на год. А нам больше одного года и не надо».

Таким образом, этот Указ был согласован и с Ельциным. Так и кончилась предыстория создания ГКЧП, разработки и подготовки всех этих материалов.

* * *

После мая политическое положение в стране вновь стало обостряться. Возникло Движение демократических реформ, была создана партия Руцкого, пошел в политическом отношении еще больший раскол в обществе.

В начале августа Горбачев улетел в отпуск. Последний раз я с ним разговаривал 4 августа. А через несколько дней мне позвонил Председатель КГБ В. А. Крючков и предложил встретиться на объекте АВС.

То, что о нем говорят, смешно. Это никакой не секретный объект, а дача КГБ. Расположена она рядом с территорией, которую занимает управление внешней разведки. Двухэтажное здание, внизу столовая, холл «с крокодилом» (муляж, конечно, который подарили Крючкову на Кубе, а он передал его сюда), комната для переговоров. На втором этаже каминный зал и две-три спальни. Во дворе беседка. Очень небольшой сад. Территория охраняемая: две зоны проезда — вначале милицейская, потом службы охраны КГБ. Таких резиденций у КГБ для различных неофициальных встреч в Москве и за городом было немало. Так что объект АВС ничего особенного не представлял.

С Крючковым пошел разговор о положении в стране, и он заинтересовался моей точкой зрения на введение чрезвычайного положения в августе. Попросил назвать людей, которые могли бы войти в состав будущего органа управления страной. Он совершенно четко сказал, что партия не должна в этом участвовать и представители партии не войдут в состав комитета: «Партия должна быть в стороне от этого дела. Это дело чисто государственное».

Я высказал два соображения. Первое. В августе не время вводить чрезвычайное положение, это самый благоприятный месяц в смысле обеспечения питанием. А в смысле политическом — месяц разрядки. Многие разъехались на каникулы, в отпуска, в Москве ни митингов, ни демонстраций, ни политических схваток.

Населению будет непонятно, с какой стати вводится чрезвычайное положение? Одно дело в марте, когда останавливались заводы и экономика была на грани катастрофы, другое — когда все обстоит более-менее благополучно.

И второе. На мой взгляд, не надо создавать никакого нового органа, потому что это не предусмотрено Конституцией. Есть утвержденный Верховным Советом СССР Совет безопасности, из которого, за исключением двух человек — Бакатина и Примакова, все остальные принимали участие в осуществлении поручения Горбачева по разработке положения о введении чрезвычайного положения. Так что Комитет, или группа людей, которые занимаются вопросом введения чрезвычайного положения, сразу являются легитимными, их не надо утверждать, они уже утверждены.

Крючков засомневался в возможном поведении Горбачева: тот, как всегда, займет двойственную позицию — ни да ни нет. Я возразил. Сейчас главное не Горбачев, поскольку Михаил Сергеевич уже полностью потерял авторитет, а Ельцин. Он популярен, и народ его поддерживает. Это фигура, от которой зависит решение проблемы.

Крючков высказался примерно так: с Ельциным мы договоримся, решим эту проблему без каких-либо мер. Когда я еще раз попытался объяснить, что сейчас несвоевременно вводить чрезвычайное положение, он сообщил: «Мои аналитики того же мнения».

Через несколько лет я встречался с бывшим руководителем группы аналитиков. Он подтвердил: действительно они давали прогноз — нельзя вводить чрезвычайное положение в августе. Это нецелесообразно и поддержано не будет.

Разговор наш произошел 7 или 8 августа. Уже тогда предполагалось, что 20 августа будет подписан Союзный договор. Улетая, Горбачев пообещал вернуться к 19 августа, прервав отпуск для его подписания.

* * *

17 августа вечером мне позвонил Олег Шенин (у нас дачи были в одном поселке) и, хотя мы с ним никогда вечерами не гуляли, пригласил принять участие в прогулке. Это было часов в 10–11 вечера — довольно поздно вато для randevу. Я тогда проводил родственников на электричку, вернулся, и вскоре позвонил Олег.

Вначале он был с женой, и разговоры ни о чем важном не шли. Когда она ушла, Шенин сообщил, что сегодня произошла встреча, и было принято решение: завтра, 18 августа, лететь к Горбачеву, убеждать его в необходимости введения чрезвычайного положения.

В своих воспоминаниях Крючков пишет, что на совещании 18 августа присутствовали Плеханов⁷, Бакланов, Шенин, Язов,

Болдин, Прокофьев и он. Владимир Александрович ошибается: я 18 августа не присутствовал — не пригласили.

Кстати, то, что я не был на заседании 18 августа, меня в определенной степени спасло. Потому что привлекали к уголовной ответственности всех, кто собирался 18 вечером, а я проходил как свидетель. Если бы я был приглашен, то проходил бы как участник.

Не знаю, случайно или умышленно не позвали. Может быть, потому, что накануне я говорил Шенину, что сейчас вводить чрезвычайное положение нецелесообразно. Олег Семенович тогда возразил: «А когда?» Я ответил: «Когда наступит сложная ситуация, тогда и вводить». Он не согласился: «Тогда будет поздно. Впереди уборка урожая, подготовка к зиме — все это может дело завалить. Надо упредить и ввести чрезвычайное положение, чтобы нормально решить эти вопросы». Вот тут наши точки зрения и разошлись.

Разговор во время прогулки с Шениным стал для меня неожиданным. Когда я разговаривал с Крючковым и когда он сказал, что его аналитики тоже считают, что сейчас вводить чрезвычайное положение несвоевременно, я думал, что это отодвинется на осень, когда сложится трудная ситуация и люди поймут, для чего вводится чрезвычайное положение.

Однако в словах Шенина тоже была логика: необходимо убрать урожай, подготовиться к зиме. Но тогда не нужно было вводить танки! Причем в этой беседе не шел разговор о подписании Союзного договора. Речь шла только об экономике страны, которая катилась под уклон, и нужно остановить это сползание и нормально войти в зиму. Поэтому в разговоре не было упоминания о введении чрезвычайного положения касательно армии и комендантского часа. Тем более, я повторяю, определенная логика в словах Шенина была.

Шенин попросил, чтобы 18 августа я был на работе. Они в 13 часов улетали в Форос. Примерно в это время подъехал и я. Просидел до самого вечера. За это время было только одно событие: приезжал генерал от Крюкова и привез проект «Обращения к народу». Там я не увидел ни списка ГКЧП, ни самого названия.

Я спросил: «Что, мне надо как-то откликнуться?» Мне ответили, что проект прислан для информации. Такой документ готовится, и когда введут чрезвычайное положение, то его примут за основу.

Около 11 часов вечера позвонил Шенин: они вернулись из Фороса. Олег рассказал, чем окончилась встреча: раздраженный Горбачев крикнул: «Черт с вами. Действуйте как хотите!» Это совпадает с тем, что пишут в своих воспоминаниях Крючков, Медведев и остальные участники поездки к Горбачеву. Впрочем, как и сам Михаил Сергеевич. Правда, Шенин сказал, что Горбачев выразился непристойно.

Олег сообщил: сейчас готовятся материалы для публикации в СМИ, секретарь ЦК Манаенков⁸ приглашает к себе Кравченко (тогда возглавлял телевидение) и исполняющего обязанности генерального директора ТАСС и я должен присутствовать на этой беседе.

Сразу же после звонка Шенина позвонил Манаенков. Я был один в горкоме партии, а Манаенков один из немногих в ЦК: когда я шел из горкома через двор в здание ЦК, светились лишь два-три окна в окнах круглосуточных дежурных. Мы с Манаенковым посидели, попили чайку. Он мне про Афганистан рассказывал.

В 2 часа ночи принесли документы, а потом подъехал Кравченко и исполняющий обязанности гендиректора ТАСС. Мы ознакомились с бумагами. Оба представителя СМИ заявили, что они передадут их в том случае, если документы попадут к ним по официальной линии — как обычно, привезет фельдсвязь от Совета Министров СССР. А просто так, из рук в руки, ни тот ни другой документы не возьмут.

Я считаю, что журналисты поступили правильно. Они ознакомились с текстами и сказали, что вызовут дикторов, чтобы в 6 часов утра вести передачи. Просили, чтобы документы были у них к 5 часам утра — и в ТАССе, и на телевидении.

Над документами работали в течение ночи. Их подвозили, вероятно, по мере готовности. Я видел лишь те, что были подготовлены заранее командой, которую создал Горбачев. Было Обращение к советскому народу, был Указ, что отменяются действия всех неконституционных органов на территории страны.

Но хотя все эти документы были подготовлены в свое время по указанию Горбачева, я был глубоко убежден, что Михаил Сергеевич постарается как-то отвертеться. А результаты поездки тоже предвидел: он уйдет в сторону. Ни одно крупное происшествие в стране не проходило при его участии: то ли стечение обстоятельств, то ли продуманная политика у него была разработана...

* * *

Только я вернулся от Манаенкова, как позвонил Шенин. Я отправился к нему. Очень возбужденный, он сказал, что создан ГКЧП и возглавил его Янаев. Шел пятый час утра. Когда ночью представителей СМИ ознакомили с документами, это еще не было известно. Даже слово «ГКЧП» я услышал впервые.

У меня было двойственное ощущение. С одной стороны, я понимал, что раз президент уходит от наведения порядка в стране, то кто-то должен взять власть в свои руки.

А с другой — я сделал вывод: раз назывался Янаев (а я помнил его весеннее заявление о том, что он ни интеллектуально, ни физически

не готов возглавить страну), значит, вопрос с Горбачевым согласован. Ни Янаев, ни Язов, по моему понятию, без договоренности с Горбачевым никаких действий предпринимать не стали бы. Слишком они ему верили и были законопослушны. Поэтому большой тревоги у меня не было. Я ушел от Шенина, вернулся в горком и лег спать.

Тревога появилась лишь утром. В 8.00 утра меня разбудил Крючков. Он посоветовал позвонить Лужкову⁹ и договориться о совместных действиях, чтобы в Москве не было беспорядков.

Я в то время еще не знал, что в Москву вводятся войска. Конечно, можно было предположить, что какие-то меры по охране правительственных зданий будут приняты. Но что введут в таком количестве войска и бронетехнику, не ожидал.

<...>

* * *

Последний разговор с Лужковым состоялся утром 19 августа 1991 года, когда опубликовали обращение ГКЧП, где было сказано о ликвидации всех неконституционных органов власти. Правительство Москвы именно таким органом и было, и я понимал, к чему это может привести.

Кроме того, что связаться с Лужковым меня попросил Крючков, я имел кое-какую идею. Нужно было очень быстро принять решение о преобразовании правительства в Исполнительный комитет: так было раньше. Может быть, даже не меняя людей. Тогда все остаются на местах, работают, и все приводится в соответствие с Конституцией.

Позвонил я Лужкову, попросил приехать. Он спросил: «На каком основании вы меня вызываете?» — «Я не вызываю вас. Просто хотел поговорить как коммунист с коммунистом (он в июле последний раз платил партийные взносы), обсудить, что надо предпринять, чтобы в городе был порядок». Лужков ответил, что не придет, потому что отправляется к Ельцину.

Время было не для обид. Я резонно заметил, что это его право — советоваться с Ельциным, но попросил все-таки потом приехать ко мне. Лужков повторил: нет, не придет.

После этого я позвонил в Моссовет Л. А. Белову — он исполнял обязанности Председателя Моссовета (Попова не было). Позвонил Б. В. Никольскому. Оба они приехали ко мне, и я их попросил убедить Лужкова принять решение трансформировать правительство Москвы в Исполком. Белов и Никольский согласились со мной, обещали переговорить с Лужковым.

Но когда Лужков вернулся от Ельцина, с ним вообще было бесполезно разговаривать. Мне позвонил Никольский, а потом Белов

и сказали, что Лужков категорически против, что правительство Москвы останется, что это переворот и действия неконституционные. Сотрудничать практически отказался.

Эти мои переговоры почему-то полюбили «цитировать» иные мемуаристы. Особенно разошелся и, естественно, переврал Гавриил Попов. Я всегда считал, что он самый умный, самый хитрый, но и самый беспринципный политик.

* * *

К 10 часам утра меня вызвали на заседание Секретариата ЦК. Вел его Шенин, рассказал то, что я уже знал ночью. Стали спорить: когда собирать пленум ЦК. Большинство настаивало собрать на следующий день и определить свою позицию, а пока ограничиться телеграммами в регионы, чтобы сохранить спокойствие. В том случае, если ГКЧП будет действовать в рамках Конституции, оказывать ему всяческую поддержку. Телеграмму подписал Шенин.

Но вообще наблюдались растерянность и непонимание: что, зачем и как надо делать. Большинство членов Секретариата ЦК не участвовали в мартовских совещаниях и не были в курсе всех закулисных действий. И Шенин вел себя «чисто информативно», позицию свою конкретно не определял.

Вернулся к себе. Собрали партийный актив, членов ГК, секретарей РК партии. Я выступил в принципе в поддержку мер, которые вводились в стране, поскольку, если прочитать «Обращение к народу», любой здравомыслящий человек его поддержал бы. В конце я сказал, что если в дальнейшем действия будут осуществляться в конституционном поле, а начало вроде обнадеживает, то мы будем поддерживать, а если нет, партийная организация поддерживать не должна.

Почему я сделал такую ремарку? У меня вызывало недоумение введение совершенно необоснованно такого большого количества войск. Это прежде всего.

И еще — вроде бы частное: у Горбачева был лишь радикулит, и ссылаться на его болезнь в такое время неправомерно. Если хотели наводить порядок законным путем, надо было вести разговор о том, что президент практически самоустранился от руководства страной, в тяжелый период ушел в отпуск, отказался возвратиться в Москву, хотя к нему приезжала представительная делегация. Вот поэтому до решения сессии Верховного Совета СССР власть передается вице-президенту. Это было бы понятно, все было бы нормально. А здесь я увидел попытку слухавить, схитрить. Это сразу же меня насторожило.

* * *

В середине дня 19 августа стали поступать тревожные сообщения: эмиссары Моссовета разъезжают по заводам, призывают к забастовкам, к выходу на улицы, манифестациям.

Вызвало тревогу и то, что ГКЧП взял под контроль СМИ, причем довольно неуклюже закрыв все, кроме партийных изданий. Была закрыта и радиостанция «Эхо Москвы». Но приехал заместитель министра связи Иванов с автоматчиками — станцию открыли. Автоматчики встали у входа, и станция стала призывать граждан к оружию, к защите Белого дома.

И опять у меня возникли вопросы: почему такая несогласованность в действиях? Почему никаких мер не принимается?

А самую главную тревогу вызывала возможность возникновения в городе волнений. Мне сообщали, что настроения жителей Москвы разделились. Много войск — значит все может произойти. Не хотелось повторения Баку, Вильнюса и Тбилиси.

Звоню Лужкову — с ним не соединяют. Соединили с Янаевым, и я высказал ему все свои сомнения по телефону. Он предложил: «Приезжай в Кремль. Мы сейчас будем это обсуждать».

Вот так я впервые оказался на заседании ГКЧП. Сам навязался, напросился туда. Приехал. Обсуждали пресс-конференцию, которая будет проходить. Слушали сообщение министра иностранных дел А. А. Бессмертных о реакции за рубежом. Предлагали собрать послов, но он сказал, что все необходимые указания послам даны. Как в таких случаях делается, подтвержден внешнеполитический курс Советского Союза и нынешнего коллективного руководства.

Бессмертных вел себя очень спокойно, по-деловому, как и положено дипломату в чрезвычайных ситуациях. Большинство же присутствующих пребывало в растерянности. Я не знаю, как они договаривались, но по той информации, что я имел, Ельцина на аэродроме должны были встретить Павлов и Язов, принять совместное решение, с утра ввести чрезвычайное положение и договориться о его невмешательстве.

Но утро было совсем другое. Ельцин поехал к Белому дому. Его выступление с танка. Призывы, Указы в отношении ГКЧП. Поэтому и наблюдалась растерянность, так как совсем непредвиденно обозначился фронт противостояния. Ельцин тогда уже объявил о созыве Верховного Совета РСФСР.

Решался вопрос: как быть? План по вводу чрезвычайного положения не реализовывался. По большому счету, и плана-то этого не существовало. Были принципы введения чрезвычайного положения: один маршрут туда, другой сюда; в такое-то время то-то, в такое-то — это. Но даже этого ничего не сделали.

Стародубцев писал о мерах, которые следует принимать в сельском хозяйстве. Тизяков сел дорабатывать свои предложения о необходимых мерах в области промышленности и т. д. Все сидели в помещениях, выделенных для членов ГКЧП. Изыскания сводились к вопросам: что делать с Белым домом, что делать с Ельциным. А толпа у Белого дома росла...

Я уверен, что отсутствие продуманных действий со стороны ГКЧП во многом объясняется тем, что его состав не был единым целым. Я разделил бы его членов на несколько групп. Тизяков, Стародубцев, Бакланов, Язов, по моему мнению, все делали из чистых побуждений — только для того, чтобы спасти страну от той катастрофы, которая ей грозила. К ним я присоединяю и себя.

Еще группа, которая, я думаю, была в какой-то мере посвящена в замыслы Горбачева: он, вероятно, хотел поднять свой авторитет и утвердить свое положение тем, что вернется в Москву на коне Спасителя демократии, поскольку влияние его стало уже практически нулевым.

И были люди, которые сами хотели, может быть, прийти к власти и решали совершенно другую задачу.

Были и те, кто, как истинные патриоты, например, Варенников, поддержали ГКЧП. Они хотели спасти Родину от катастрофы.

Но я убежден, что существовали и зарубежные режиссеры. У них был четкий сценарий развала Союза, ликвидации компартии. Удобнее, чем ГКЧП, ничего быть не могло — разом со всем покончили.

* * *

Вечером 20 августа на заседании ГКЧП присутствовал маршал Ахромеев, сидел и все записывал. Были приглашены два человека, возглавлявшие группу «Союз» на съезде народных депутатов. Они совершенно четко заявили, что если ГКЧП будет действовать таким образом (не будет реальных действий в стране), Верховный Совет введение ГКЧП не поддержит.

Председатель Верховного Совета СССР Анатолий Иванович Лукьянов ни на одном заседании не присутствовал. Мне до сих пор непонятно, почему отложили на 26 августа сбор Верховного Совета СССР. Ельцин сумел за день собрать депутатов, а Лукьянов не смог? И зачем этот ненужный, необоснованный ввод такого большого количества войск? И полное бездействие по отношению к московским властям, к властям в Белом доме, к их провокационным заявлениям, возможности выступать в СМИ? Я не верю, что случайно показали выступление Ельцина на танке. Таких случайностей не бывает.

Повторяю, разные группы преследовали разные цели. Сценарий всего этого был разработан не у нас, людей попросту подталкивали. В зарубежной печати появлялись любопытные публикации, высказывания. Понимая, что Горбачев уже сходит, подкидывали мысль: а почему бы президентом не стать Крючкову? Вот Буш в Америке был директором ЦРУ. Нормально! А почему у нас нельзя?

<...>

Иные считают, что «кукловодом» был сам Михаил Сергеевич. Не думаю. Горбачев был вписан, вмонтирован в эту систему точно так же, как и Ельцин. Причем, если и говорили им об их роли, то не всю правду. Горбачев потерпел поражение, потому что Запад перестал делать на него ставку. Ставка была сделана на Ельцина как на человека, который сможет продолжить разрушение Союза.

Все решали крупные международные финансовые корпорации, в чьих интересах все это происходило. Они являлись кукловодами своих правительств. Те, в свою очередь, вели наших. Все это связано с мировой экономикой.

* * *

Возвращаясь к ГКЧП, я считаю, что самым позорным был последний день его существования, когда Язов единолично принял решение вывести войска. Он собрал ночью коллегию Министерства обороны и все решил.

Трое парней попали под колеса машины, когда выводили войска, а не вводили. Если бы не этот случай, то был бы другой, третий. Обязательно.

Двадцать первого августа произошли эти трагические события. Потом, позже, когда меня допрашивали, в соседней комнате допрашивали водителей БМП. Все было сведено к дорожно-транспортному происшествию.

Как мне рассказывали, на смотровой люк БМП кто-то накинул брезент, лишив водителя обзора, тот подал назад, где стоял троллейбус, и раздавил стоящего там парня. Другого, по их рассказам, застрелили: «Стрелял какой-то майор не из нашей части. Стрелял, когда парень бросал бутылки с зажигательной смесью в машину». Там же сгорел водитель машины, но об этом никто не говорит.

Итак, Язов выводил войска. На заседание ГКЧП приехать отозвался. Тогда все члены ГКЧП сами поехали к нему. Я находился в машине вместе с Крючковым и слышал, как он переговаривался с Лукьяновым: надо лететь в Форос к Горбачеву и просить, чтобы тот вернулся в Москву и взял власть в свои руки. Лукьянов, как я понял, соглашался.

Анатолий Иванович Лукьянов пришел только на последнее совещание в штаб ГКЧП, да и то скоропалительно. До этого, примерно числа 20 августа, у меня был с ним разговор по телефону. Он спросил: «Ты понимаешь, что происходит?» Я ответил: «Нет, не понимаю. Вижу только, что полное бездействие приведет к краху и разгрому».

Когда пришел Лукьянов, его спросили, что надо делать. Анатолий Иванович ответил: надо лететь к Горбачеву, другого выхода он не видит для того, чтобы потушить возникшее народное волнение.

Все, подумал я, с меня довольно, хватит. И заявил, что теперь четко понял: это политическая провокация, которая поставила под удар и страну, и партию, и другого выхода, кроме как застрелиться, никому из членов ГКЧП в этой ситуации не остается. И добавил, что больше не собираюсь участвовать в этом маскараде и ухожу. И сейчас же собираю секретарей райкомов партии, бюро горкома, и мы выступим с заявлением по этому поводу, объявим, что все последние события воспринимаем как политическую провокацию.

Следом за мной поднялся Шенин и сказал, что поддерживает Прокофьева. Мы спустились вместе. Поехали на моей машине. Он вошел в ЦК, я отправился в свой кабинет.

Люди уже по моему звонку были собраны. Я рассказал о ситуации, о том, что происходит, что может произойти. Было принято заявление секретарей райкомов партии и Бюро ГК партии по поводу ГКЧП. Отмечалось, что считаем его действия политической провокацией, которая ведет к негативным последствиям. Решили передать заявление через ТАСС. Но, когда туда позвонили, нам ответили, что им запретили принимать какие-либо заявления и обращения. Кто запретил — не сказали.

Текст этого заявления не сохранился. Все документы, что были в моем кабинете в горкоме партии, я оставил там. Сокращенный текст можно найти в архивах «Московской правды», так как она все же свой маленький выпуск осуществила. Понимая, что закрытие всех изданий, кроме партийных, было неправомерно, «Московская правда» из солидарности в эти дни не выходила. А тут вышла небольшой листовкой с этим обращением. Вечером по ТВ прошла передача, где совещание было показано, и я частично прокомментировал наше заявление.

* * *

Очень тяжелое впечатление осталось у меня от этих дней, от участников. Если бы это были, скажем, не обижая, Стародубцев, Тизяков, Иванов-Петров-Сидоров, то этим людям можно

было бы простить их беспомощность. Но это были Председатель КГБ, министр обороны страны, министр внутренних дел, премьер-министр страны (он, правда, самоустранился и вместо себя присылал своего зама Догужиева), член Политбюро Шенин — все руководители высшего уровня, и их поведение не поддается пониманию. Было оно если не преступное, то преступно-халатное.

Я считаю, это произошло не из-за низкой квалификации, не умения. У меня дома остался листочек радиоперехвата — беседа французских журналистов с нашими товарищами по партии. Там 20 августа точно определено как конец ГКЧП. И говорилось, что если Горбачев вернется президентом, то станет карманным президентом у Ельцина. А КПСС будет разгромлена, и ее придется воссоздавать.

Французские друзья все спрогнозировали. Они проанализировали информацию не только нашу, но и западную.

Не случайно Лобов¹⁰ уехал на запасной пункт управления страной под Свердловском.

Не случайно в Белом доме были запасы оружия, питания, не случайно американцы наладили информацию Ельцина о передвижении войск в Москве через систему спутниковой связи.

Не случайно Лужков разговаривал со мной как человек, который знал о подлинной сути событий.

Не случайно самые близкие Горбачеву люди из Секретариата отсутствовали: Ивашко лежал в больнице, Дзасохов был в командировке, Семенова — в отпуске. Думаю, это тоже не случайно. Они только потом собрались, когда все произошло.

...Когда я вернулся к себе, еще до совещания, позвонил Крючков, потом Бакланов, еще кто-то. Все они просили не делать никакого заявления. Я отказался.

Последним позвонил генерал Варенников, герой войны, очень заслуженный человек, и сказал: «Юрий Анатольевич, пожалуй, ты прав. И давай будем держаться вместе, приближаются трудные времена».

